

Судьба русской художницы

ПАМЯТИ Е. Т. ТЕОДОРОВИЧ-КАРНОВСКОЙ

Как возникает в человеке непреодолимая потребность запечатлеть то, что он замечает в жизни, выразить то, что он чувствует и о чем мечтает, — сказать трудно. Но когда сталкиваешься с человеком, который обладает даром творчества, то радостно бывает на душе, свободно и подъемно.

Именно такое чувство радости приходилось испытывать, встречая художницу Елену Терентьевну Теодорович-Карновскую, дочь всеми уважаемого варшавского протеспрезвитера о. Терентия Теодоровича. Но никто не мог предполагать ужасной судьбы всей этой семьи.

Мать художницы, урожденная Левицкая, происходила из известной на юге России духовной семьи, из среды которой в 18-м веке вышел знаменитый портретист Д. Г. Левицкий.

Елена Терентьевна родилась в 1894 году в Волинской губернии, но детство и гимназические годы провела в Варшаве. Уже в раннем детстве она полюбила цветы, собирала и любовалась ими и эту любовь к цветам сохранила на всю жизнь. В начале нашего века в Варшаве строился православный собор и среди художников, участвовавших в росписи, был академик Н. Т. Шаховской. Он часто заходил к о. Терентию и заметил увлечение его дочери-гимназистки рисованием и живописью. Разговоры и указания Н. Т. Шаховского укрепили желание молодой художницы посвятить себя всецело искусству. Окончив в 1911 году блестяще варшавскую гимназию, она едет в Петербург и после основательной подготовки поступает в 1912 году в Академию Художеств и вскоре попадает в мастерскую проф. Д. Кардовского. В преподавании Кардовского особенное внимание уделялось рисунку; профессор призывал учеников к углубленному изучению и познанию природы. «Рисунок, — писал Кардовский, — это пластическая основа искусства, служащий изображению зрительных восприятий на плоскости, то основное общее, что объединяет все пластические, или изобразительные искусства». В мастерской Кардовского складывались методы неоклассической школы, представителями которой были А. Яковлев, В. Шухаев, поразительные мастера рисунка. Кроме них из мастерской Кардовского вышли — Н. Радлов, П. Шилмиговский и мн. др. Указания и заветы Кардовского не забывались всеми его учениками.

Но революция 1917 года нарушила нормальный ход занятий в Академии Художеств и полный хаос в ведении педагогического дела заставил Елену Т. Теодорович покинуть в 1918 году Петроград и вернуться в Польшу. Еще в Петрограде она выходит замуж за А. Д. Карновского и вместе с мужем

приезжает в Варшаву. Здесь начался период ее артистических успехов. Появляются заказы на портреты, ее работы приобретает Варшавский музей, удается совершать поездки на Карпаты, а также в Италию, Югославию, Грецию и Испанию, писать там этюды и делать интереснейшие зарисовки. Постепенно складывается художественный облик Е. Теодорович-Карновской. Она зорко наблюдает за человеком и, как вышедшая из школы Кардовского, всегда чувствует пластичность человеческой фигуры. Поражало необычайное мастерство и быстрота исполнения работ. Художница как-бы играючи орудовала коричневым карандашом или кистью, закрепляя на бумаге и на холсте образы крестьян Карпатской Руси, итальянских рыбаков, или живописные городки Далмации и Испании. После очередных путешествий мастерская художницы пополнялась всегда новыми работами. Кроме любимой живописи и рисования художница отдавала дань и коллекционированию, собирая «антики», будь то мебель, фарфор или народное искусство.

Так в постоянной работе протекли двадцатые годы и начало тридцатых. Одно необыкновенное событие перевернуло жизнь Е. Теодорович-Карновской. Ранней весной 1936 года художница была приглашена к знакомым на ужин и за столом оказалась соседкой человека, которого видела в первый раз. Это был капитан одного из пароходов на линии Гдыня — Южная Америка. Он много рассказывал об экзотических странах и художница с интересом его слушала. Затем проходит несколько недель и в мастерской Е. Теодорович-Карновской раздается звонок по телефону.

— Вы помните наш разговор о путешествиях?

— Да, конечно, помню.

— На этих днях из Гдыни отходит пароход в Рио де Жанейро. Мы можем вам предложить место на корабле. Согласны вы поехать?

От неожиданности нельзя было сразу ответить. Трудно было решиться оставить в Варшаве престарелых родителей, ехать одной в далекое путешествие (к тому времени муж художницы скончался). Но предложение было столь заманчиво, страсть к путешествиям так велика, что противостоять предложению было невозможно. Собрав быстро все необходимое, взяв с собою некоторые работы и нужные материалы для живописи и рисования, художница пустилась в дальний путь, испросив на то благословение родителей. Дальнейшее звучит как сказка... К сожалению, большинство ее писем отсюда пропало в Варшаве, сохранились только в копиях некоторые отрывки из писем, которыми я и воспользуюсь.

20 мая 1936 года она пишет

из Рио де Жанейро: «...Мы приехали 19 мая утром в 6 часов. Последние дни океан был добрый, почти не качало, — перепадали только сильные дожди. На экваторе устроили крещение новичков — забавная процедура... Матросов в костюмах, вымазанных сажей, брили, стригли, обливали водой, заставляли пролезать через трубу... В отеле большая комната с видом на океан, под окнами в четыре ряда мчатся автомобили, автобусы... Идеальные мостовые и великолетные машины-такси... Что за красота в городе, особенно при заходе солнца. Такой размах, о котором в Европе нет и понятия. Нет здесь ни памятников, ни произведений искусства, но город удивителен на фоне гор, океана, а вечером при небывалой расточительности электричества все залито светом. Какая разноцветная толпа всех оттенков — от белых с негритянскими лицами и курчавыми сбивыми волосами до лиловых негров и краснокожих. На бесподобном пляже белый песок и какие тела, как сложенные! Женщины выходят из пансиона в купальных костюмах, а мужчина не может выйти на улицу, или войти в кафе без пиджака, — бедняги страдают».

При посредстве польского посольства Е. Теодорович-Карновской предоставляется возможность посетить джунгли Бразилии и увидеть там примитивную жизнь индейцев.

«...пользуюсь случаем послать весточку, — пишет художница, — что индейцы еще меня не съели, но мирно и охотно позируют. Уже четыре дня, как живем в лесу, на берегу реки, в избушке на курьих ножках из пальмовых листьев. Спим в гамаках с балдахином от москитов... По ночам слышу концерты крокодилчиков, ягуаров и других не совсем диких зверей. Индейцы живут в полчасе езды на лодке. Сейчас жду нескольких для позирования, — готовятся уже два дня, готовят украшения, как в былые времена свободы. Они уже не стреляют белых из лука, но охотно об этом рассказывают... Я еще не хочу возвращаться, еще побуду несколько дней, пока не схватят сильные дожди... Какая благодать, какая свобода и тишина и если бы не комары всех родов, букашки и муравьи, жизнь была бы чудесной... Надо видеть ловкость индейцев в стрельбе из лука. Они действительно цари этих девственных лесов. Женщины некрасивые, но мужчины замечательно сложены. Сегодня позируют голые, а то теперь цивилизация дала им одежду, но отняла умение украшать себя, плести красивые венки из пестрых перьев, делать ожерелья и амулеты из зубов диких зверей. Теперь у детей на шею пробки от бутылок, гвозди и вообще всякая неожиданная ерунда... На моем импровизированном

столе между красками курица повадилась ежедневно нести яйца и усиленно себя рекламирует, это мой враг номер 1. Вообще свобода для птиц и зверей всякого толка. Бесконечное множество детей от всяких матерей, — места много, еды, хватит для всех. И все так живут... Масса всяких странных цветов в лесу... Обезьяны кричат, забавно перескакивают с дерева на дерево, насчитала их сегодня пятьдесят штук».

В следующем письме художница сообщает:

«...уже второй день, как вернулась из экскурсии, пробыла в глуши двенадцать дней, в девственном лесу на берегу реки... Верхом на ослах, потом в лодке приехали уже ночью... Если можно восторгаться человеческим стройным телом, то я в восторге от индейца. Рисовала одного 70-летнего старика, но глядя на его тело можно ему было дать лет 30, не больше. Позировали охотно... мои модели, как на подбор, их бронзовые тела не боятся ни комаров, ни змей, — они ложатся прямо на землю... Цивилизация дала им отвратительный костюм рабочего-раба. Для меня они украшают себя перьями, поясами из войлока пальмы, изображают охоту, танцы, пение... Принесли мне подарки, какие-то перья птиц, зубы диких зверей, фрукты, ловили рыбу. Ведь мы жили тем, что ловили в реке, или стреляли на охоте».

Купаться, к сожалению, было нельзя, так как много рыбы — перанья — самая жестокая маленькая рыба с острыми зубами и красными глазами, которую мы часто ловили к ужину и с аппетитом ели, но это грозный враг, если он почувствует запах крови, то до костей сожрет живое существо... Крутом грозный лес, муравьи, пауки, змеи, ягуары — каждую минуту можно ждать, ружье наготове. Но кроме ежедневного забавного разговора с огромным крокодилом ничего не было; мычанием вызываешь его и он приплывает и отзывается, но уже в последние дни боялась звать его, а ну как проникнет ночью, бывали и такие случаи... На рассвете концерты птиц и крики обезьян — их здесь масса. В полдень все спит до сумерек. Сколько бабочек, каких цветов и оттенков. Особенно красивы лазурные колоссы, но их трудно поймать. У меня была сестка, но сама не могла ловить — всякую минуту старалась использовать для рисования... Я даже маслом писала в лесу на моем мольберте. На обратном пути захватил нас проливной дождь; мы ехали верхом... Мой Россиант испугался, когда проезжали под колоссальным деревом с фруктами манго. Такой фрукт упал ему как раз на голову, но смелый всадник (это я) не потерялся...

Вернулись вечером. Все в комнатах и в чемоданах зашевелилось, такая сырость в воздухе. Я

все время питаюсь хиной, чтобы не схватить малярию...

Я вся искутана, вся в волдырях, ночью царапаешься. Есть такая незаметная зверь, не насекомое, который по платью лезет с земли и любит устраивать свои укусы. Мажусь спиртом, одеколон в дороге на ослиной спине разбила... Пишу письма ночью, уже все спят, даже собаки... Сегодня разбудили в 3 часа утра, уезжали на рыбную ловлю сетями. Пять раз закидывали сети и поймали около 500 рыб весом всего в 40 кило, а сегодня варили и жарили; очень интересно вялят и жарят индейцы рыбу... Нашла цветок орхидей какой-то странной формы, огненно-красного цвета. Завтра буду писать. Жаль, что день короток и имеешь только две руки и ограниченный запас сил и энергии.

Здесь гнилой климат, как живут люди — не знаю, но не удивляюсь, что не имеют они мебели и не устраивают квартиры. Все временно, все гниет, все зацветает. Завтра хочу проветрить вещи, а то пропадут в чемодане, а шкапа не имеется, все лежит на столе и на полу».

На первой выставке, устроенной еще осенью 1936 года в Буэнос-Айресе, были видны работы Е. Теодорович-Карновской, привезенные ею еще из Европы, которые показали ее, как мастера портрета. И это послужило дальнейшим успехам. В 1936-37 г.г. в Буэнос-Айресе происходила Панамериканская конференция, инициатором которой был президент США Фрэнклин Рузвельт. По этому поводу Е. Теодорович-Карновской было предложено сделать портреты всех съехавшихся членов конференции. И здесь проявилась присущая художнице уверенность в передаче характерных черт лица и умение при краткости сеансов добиваться законченности портретных рисунков. В необычайно короткий срок она исполняет более 40 портретов-рисунков в натуральную величину. Среди них портреты Ф. Рузвельта, Кардэля Холла, президента Бразилии д-ра Варгаса, министра иностранных дел Аргентины д-ра Ламас и всех других представителей американских республик. Летом 1937 г. выставка этих портретов происходит в Рио де Жанейро, где вызвала широкий отклик, а затем аргентинское правительство приобрело всю коллекцию для музея в Буэнос Айресе. Можно порадоваться, что в далекой Южной Америке есть целая серия работ русской художницы.

Постепенно накапливался у Е. Теодорович-Карновской материал новых впечатлений и одна из последних выставок состоялась в январе 1938 года в Бразилии, в городе Паре-Белем. Вот как об этом рассказывает художница:

«Сегодня, 16 января 1938 г., было открытие моей выставки, уже так привыкла, что не волновалась. Первый раз открытие с музыкой. Губернатор или префект прислали оркестр военной музыки... Выставка в моем отеле, очень хороший зал, прямо с улицы; зал, в котором

в 18-м году выступала Анна Павлова (есть памятная доска). Меня встречают громовым маршем, от неожиданности перепугалась, играли в течение часа; не только слышать, что говорилось, но даже звука собственного голоса не было слышно. Упростили, наконец, оркестр кончить. Поместила много новых картин, тут индейцы, южно-американские мотивы. Устраивала выставку до 11 часов вечера при публике, так как был весь отель и масса любопытных с улицы. Но, кажется, все удачно, публике нравится. Был префект и сказал, что купит для префектуры... Вчера была у архиепископа, приглашала; замечательное лицо. Боюсь, что ему покажется выставка неприличной, — много голых моделей. Все было хорошо до обеда, а в обед пришел мрачный спортсмен, у которого был мой зверек на попечении. Оказывается, он закончил утром существование и спортсмен нарочно не пришел на открытие выставки, чтобы не огорчать — я действительно потеряла все настроение... Мне предлагали очаровательных обезьянок, но я все отказывалась. Уже ищут для меня другого зверька. Но не хочу — привяжешься и потом столько горочений...»

Других писем из Южной Америки больше не сохранилось. Непокойное положение в Европе, оторванность от родины, оставленные родители — все вместе вынуждает Е. Теодорович-Карновскую возвращаться домой, несмотря на шумный успех ее кипучей деятельности в Бразилии и Аргентине.

Не суждено ей было предвидеть, что ждало ее в дальнейшем в Варшаве... Осенью 1938 года художница вернулась в родной город и весной 1939

года показала свои новые работы в Варшавском музее. Это был далекий мир, полный облой примитивной красоты, столь противоположный нормальной жизни Европы 1939 года. Наступили страшные дни. 1 сентября началась война Германии с Польшей и налеты немецкой авиации на Варшаву 25 сентября во время воздушной бомбардировки гибнет любимый всеми о. Терентий Теодорович. В те же дни бомба попадает и в мастерскую художницы, где гибнут все ее работы.

Но этим испытания еще не кончились. Трагический конец наступил осенью 1944 года. Немецкий комендант города Варшавы издал приказ, предудерживавший жителей, что если в городе будет где-либо убит немецкий солдат, то ответят за это жители того дома, у которого будет найден труп солдата. Именно такое несчастие случилось перед домом, где проживали матушка Теодорович со своей дочерью-художницей. Все обитатели дома, числе четырнадцати человек, среди которых были и дети, были выведены во двор и расстреляны. Без сожаления нельзя вспомнить эту жестокую и несправедливую расправу, когда гибнут в чем неповинные люди среди них добрейшая матушка Теодорович и столь одаренная дочь ее — Елена Терентьевна.

Так ужасно закончилась жизнь русской художницы, которая занесла в Южную Америку частицу русской культуры. Она страшно любила природу и своим искусством звала людей к этой любви, и сама стала жертвой зла и ненависти.

Вечная память погибшим.

Е. Климов